

Б. Колесов

РАНЫ МОЕЙ ПАМЯТИ

Я часто вспоминаю наш школьный класс – веселый, дружный, красивый. В памяти всплывают лица, улыбки, голоса. А теперь, где они? Что с ними стало, живы ли? Все, что у меня осталось – это их, семнадцатилетних, лица на моментальных фотографиях, сделанных памятью.

Но почему при этом всегда в воспоминаниях прорываются события и поступки, тревожащие мое сознание? И вместо того, чтобы переживать счастливые события юности, я опять прихожу к тому, о чем хотел бы забыть навсегда. Это как пятно на скатерти: скатерть чистая, белоснежная, но на ней появилось маленькое пятно от пролитого красного вина, и вот уже ты смотришь на скатерть, но видишь не всю ее, а только это досадное пятно.

Одиннадцатый класс. Я сижу на первой парте, а за мной – русоволосая девочка Валя Тихонова, по прозвищу Тихуша, с весёлой искоркой в голубых, лучистых глазах и светлой улыбкой. Я часто оглядываюсь, чтобы поймать ее взгляд. Вообще то, я ловлю этот взгляд и улыбку уже с пятого класса. И, кажется, мне это удастся, но ... . Другие ребята, все, тоже заглядываются на Валу. И всем она улыбается приветливо, и глаза ее, чуть насмешливые, светятся теплом каждому. Валя поддерживает ровные, дружеские отношения с каждым из нас, не выделяя никого.

Так продолжалось всю школу, и так мы и разъехались после. Через несколько лет Валя закончила педагогический и стала сначала учителем, а потом и директором в нашей школе. Директором толковым, порядочным, достойным, возможно, лучшим за всю историю школы. Учителям при ней было спокойно, а дети ее любили. Еще в институте Валя сделала пару слабых попыток найти равного себе, но неудачно. Написала она и мне, но я в то время был крепко занят другими делами и на письмо не ответил. Наконец, она вышла замуж, однако выбор ее показался мне немного неожиданным. Парень когда-то учился с нами до восьмого класса, ничем особенным не выделялся, а потом и вовсе ушел в техникум.

Поначалу казалось, что все хорошо. Но вот как-то, приехав в отпуск к родителям, я встретил их на улице. Постояли, поболтали, и он, объявив, что есть разговор, «за бутылочкой», пригласил меня вечером к ним. (Как выяснилось потом, именно «бутылочка» была причиной всех его бед). О чем разговор – не сказал. Я невнятно согласился, но желания идти на «разговор» не было. Я чувствовал, что придется, скорее всего, решать их семейные проблемы, а я не люблю этого, не умею, в своих бы разобраться. И в

последний момент, когда уже нужно было выходить, я вдруг вспомнил про «бутылочку». «И что они все издеваются надо мной и лезут со своей водкой? Пусть бы сами ее и пили!». И не пошел.

После моего отъезда они развелись, и еще пару месяцев спустя он совершил суицид. И только тогда до меня дошла истинная цена моего трусливого отказа. И не важно, смог бы я что-то изменить в их жизни, вряд ли, ведь арбитр из меня никудышный, но попытаться должен был. Долгие годы я не мог простить себе тогдашнего своего малодушия. Сейчас, когда мне стали известны все обстоятельства тех событий, я думаю, что моё предполагаемое вмешательство было бы просто неуместным, а в отношении Вали – еще и бестактным. А Валя? Валя молча, без посторонних, перенесла случившееся, много работала, в одиночку вырастила дочь и на школьной работе реализовала себя, прожив полноценную жизнь, но жизнь оказалась короткой: в 50 лет она умерла.

А на последней парте сидит Саха, мой друг. Высокий, тонколицый, с беспечной улыбкой и развевающимися светлыми волосами. Мы жили по соседству и вместе ходили в школу. Саха весь был в спорте. Прыгал, бегал, метал, и все у него получалось. В последних классах у них образовалась баскетбольная команда. Как-то, зайдя в спортзал, я посмотрел, как они играют: казалось, они не бегали по площадке, а летали, почти не касаясь пола. Они отлично понимали друг друга и играли молча, без обычных в таких случаях криков. Саха, тонкий, с длинными руками, приняв перед щитом мяч, делал три широких, красивых прыжка и на последнем, взметнувшись птицей, точно закладывал его в корзину. А на следующее утро, придя в класс, они понимающе переглядывались, словно переживая игру снова и восхищаясь друг другом.

Саха рос без отца, мать – колхозница, учиться в институте ему было не на что, и сразу после школы он пошел работать. Лет через двадцать я встретил его, постаревшего и озабоченного. Деревенского парня, стройного красавца-атлета, занесло на уральский завод и поставило к доменной печи. Не знаю, почему, но мне стало не по себе. Может оттого, что я такой сытый и гладкий, а он в свои неполные сорок уже ссутулился. А ведь начинали вместе, он меня в шахматы обыгрывал ....

Рядом со мной сидит Леня, тоже мой друг, но друг как бы «по положению»: мы оба хорошо учимся, заметно оторвавшись от остальных. У Лени была страсть к механизмам: наш школьный трактор он разбирал, собирал и был, в конце концов, назначен ответственным за него. После школы Леня окончил автомобильный институт и работал автомехаником. Мне казалось,

что он явно недооценил свои возможности и мог бы достичь большего, но что с ним стало позже, я не знаю. Может, и достиг.

У меня есть фотография нашего выпускного класса. Любительская и очень нечеткая. Во всяком случае, себя я на ней не нахожу или нахожу, но с сомнением. Но вот ладного, красивого парня видно хорошо. Это Артем. Он исчез после школы и больше я никогда его не видел. А жаль. С ним бы мне хотелось встретиться и поговорить. Артем был лидером ребят, живших в правой части села. А в левой оказались те, кто по большей части бросил, недоучившись, школу и уехал в город, в ПТУ. Там они быстро приобрели навыки уличной шпаны и, наезжая в деревню, позиционировали себя жожаками, которых все должны бояться. Иначе они покажут, кто здесь хозяин. Назрел конфликт между этой шпаной и местными, где лидерствовал Артем.

И однажды вечером, когда стемнело, сошлись стенка на стенку посередине села. Я был там тоже, на стороне Артема. Позже, когда я стал старше, мне приходилось пару раз попадать в уличные стычки. Но я никогда не любил драться. Я не понимал, как можно ударить человека. Но если в возникшей неразберихе задевали меня, я мог потерять рассудок и броситься на обидчика. В тот вечер меня никто не тронул. И я простоял в сторонке, не решившись присоединиться к дерущимся. Стыдно. До сих пор. Но вот какая незадача: мне кажется, что окажись я снова в тот вечер в том же месте, я снова простоял бы в сторонке.

Во все школьное время в учебе я был не плох, но во всем остальном на фоне других ребят нашего класса, веселых, раскованных, сильных, смотрелся бледновато. Так ко мне девчонки и относились: парень, конечно, ничего, неглупый, но .... Вот Саха, мой друг, уже всю «крутит» с Викой, а Валерка ночами напропалую гуляет с Надей. А я? В девятом классе, когда закончился урок физкультуры, я зашел в раздевалку и обнаружил свои брюки обуженными наполовину. В то время уже все ходили в узких брюках, так было модно, а мне было как-то все равно, модно или не модно, и я по старинке расхаживал в расклешенных штанах. Вот мне и обузили. Так девчонки пытались меня перевоспитать, сделать таким, с каким им бы проще было общаться.

Славный был у нас класс, дружный. Мне бы посидеть с ними снова, хоть полчаса, увидеть их милые лица, жесты, услышать голоса. И тогда, быть может, воспоминания перестали бы тревожить мое сердце, и оно обрело бы, наконец, успокоение. Но память моя способна только беречь раны, а не лечить их.